

УДК 101.1:338.124.4
doi 10.18101/1994-0866-2016-3-57-67

РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

© *Рассказов Леонид Дементьевич*, кандидат философских наук, доцент,
Красноярский государственный медицинский университет
им. В. Ф. Войно-Ясенецкого
Россия, 660119, г. Красноярск, ул. Железняка, 1
E-mail: rasskazov.ld@gmail.com

В статье автор раскрывает природу российских кризисов в контексте медиализации на современном этапе развития общества. Установлена связь между кризисами российского общества и социальными процессами медиализации. Выявлена природа актуальных социальных явлений, таких как фетишизм, коммерциализация медицины. Изучены подходы отечественных и зарубежных философов различных школ и направлений исследования в области общественного бытия и общественного сознания в условиях кризисов. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу к исследованию общественных кризисов. Автор приводит результаты собственных социально-философских исследований в области общественной, учебной, воспитательной и научной деятельности. Уточнены такие понятия и явления общественной жизни, как зависимость, кризис, кризисное сознание, общественное сознание, цивилизация, глобализация. Предложена авторская концепция регулирования кризисных процессов российского общественного сознания.

Ключевые слова: евразийство, индивидуализм, коллективизм, кризис, медиализация, мировоззрение, кризисное общественное сознание, ноосфера, фетишизм, цивилизация, этногенез.

Общественные процессы современной России имеют множество векторов развития — экономический, политический, религиозный, медицинский и другие. Наименее изученным является такое направление, как «медиализация общества». По мнению В. Р. Шухатовича, «медиализация — процесс, в ходе которого происходит распространение влияния медицины на все новые сферы общественной жизни. Она проникает в массовое сознание медицинской формы мышления о причинах протекания и лечении болезней, возрастании зависимости от медицины повседневной жизни и деятельности людей» [19]. Исследованием проблем медиализации занимались зарубежные ученые, например З. Бауман, Ж. Делез, Ф. Арьес, Ф. Фукуяма, М. Фуко, И. Иллич, и отечественные ученые, например П. Воробьев, А. Решетников, В. Стародубов, В. Семенов и другие. Под медиализацией следует понимать процесс распространения влияния медицины на все сферы общественной жизни, связанные со здоровьем и болезнью человека. Феномен медиализации стал формироваться и исследоваться еще в Древней Греции, когда медицина заняла значимое место в культуре. Гиппократ, «отец медицины», впервые «перенес мудрость в медицину, а медицину в мудрость, потому что врач-философ подобен богу». Медиализация продолжала существовать в другие

эпохи и существует по сей день. Она распространяется в медицине и других естественнонаучных дисциплинах потому, что человек является основным объектом изучения, соответственно естественнонаучная составляющая тесно взаимодействует и входит в состав общепринятых культурологических смыслов.

На философскую рефлексию медиализации оказывают влияние биомедицинские технологии, которые, в свою очередь, расширяют понятия человека, его телесности, духовности, жизни, здоровья, болезни и смерти. С философской точки зрения медиализация — это явление, свойственное современному обществу и тесно связанное с изменением культурной антропологической парадигмы в XXI в. Профессия медика (врача, клинициста) фетишизируется в общественном сознании особыми знаниями, способностью проникать в сущность заболеваний и способами их диагностики и лечения, а также тем, что врачи используют язык, доступный лишь посвященным, — латынь, и особую одежду, что выделяет представителей данной профессии, как, например, и священника. Все это дистанцирует врача от простых смертных и выделяет их в особую касту, сливая воедино миф, науку, религию, эзотерику и обыденное сознание людей. Сегодня происходит закрепление медицинских «ярлыков» за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т. д.), которые могут способствовать исключению стигматизированных лиц из процесса нормального социального взаимодействия.

Сегодня медиализация проявляется в новых проблемах современного общества, например, зависимость от антибиотиков, амфетаминов, барбитуратов. В то же время возникает ряд этических проблем, связанных с применением экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), аборт, трансплантации органов от живых доноров и трупов, репродуктивных технологий, эвтаназии и т. п. С одной стороны, наблюдается приращение научного знания в медицине; с другой стороны, применение тех же научных достижений медицины на практике для воспроизводства жизни и поддержания здоровья неуклонно ведет к вырождению человека как биологического вида; сегодня никто точно не знает, будет ли потомство у детей, появившихся на свет в результате ЭКО, чем может обернуться применение антибиотиков в сельском хозяйстве и т. п. В любом случае налицо кризис общественного сознания, который выражается в том, что человек, воспитанный на мифах и идеалах научно-технического прогресса, уверовавший в могущество человеческого разума, зашел в тупик: будущее как устойчивое наступление на природу через познание ее законов неизвестно, а возврат к зависимости от природы через ожидание от нее милостей современный человек себе позволить уже не может.

Медиализация — это кризис общественного сознания, задача которого состоит в том, чтобы осмыслить место медицины (медика) в обществе и роль общества в медицине на современном этапе развития. Известно, что такие явления, как наркомания, алкоголизм, различного рода зависимости, не могут быть решены с помощью только медицинского вмешательства — химического, терапевтического, это иная реальность, в которой причинно-следственные связи не решают проблемы. Известная латинская поговорка гласит: *eliminare*

in causis remotis bolez (устранена причина — устранена болезнь). Общественные явления, такие как проституция, воровство, игорный бизнес, по сути, имеют одну природу с медиализацией — они характеризуют общество и его социальные институты как кризисные, находящиеся на переходном этапе, и как девиантные, отклоняющиеся от общепринятых, традиционных норм общества.

О медиализации Д. В. Михель пишет, что «первые публикации по вопросу о медиализации появились еще в 1960-е гг., когда возросла социальная и политическая роль медицины в современном обществе» [12, с. 256]. Американский психиатр Т. Шаш полагает, что «медиализация — это не медицина и не наука, это социально-семантическая стратегия, которая выгодна одним лицам и несет угрозы другим» [20, с. 129]. Медиализация общества за рубежом и в России имеет одну и ту же особенность: с одной стороны, определенный общественный субъект (экономический, политический) предпринимает попытку перенести свои проблемы на медицину, с другой стороны, с помощью медицины этот общественный субъект пытается решить свои проблемы, продвинуть собственные интересы (экономические, политические). В условиях нарастания тенденций общества потребления в России под медиализацией для среднестатистического россиянина можно понимать выгодный бизнес для одних (медицинские услуги, лекарства, страховая медицина), а для других — систему мировоззрения и смысл существования. Д. В. Михель также отмечает, что «современная медицина породила «социальный ятрогенез», связанный с общей медиализацией жизни, когда доктора, получив монополию на лечение, стремятся к тотальному контролю над остальными людьми. Наконец, здоровье оказывается предметом политики» [12, с. 258]. Таким образом, медиализация — это сложное общественное явление, которое: 1) имеет междисциплинарный характер и рассматривается в различных контекстах: естественно-научном, общественно-научном, гуманитарном, философском; 2) чаще всего рассматривается в контексте рисков, связанных с распространением различных способов самолечения в связи с проблемами биомедицинской этики (трансплантология, косметическая хирургия, эвтаназия, принудительное лечение и т. д.); 3) в контексте массовой культуры и СМИ имеет политический характер, касается отношений власти и общества; 4) обогащает повседневный язык медицинскими терминами, например, анамнез, консилиум и т. п., вошедшие в нашу жизнь и имеющие самостоятельное значение; 5) в узком смысле медиализация как процесс, в котором состояние, поведение человека рассматривается как медицинская проблема, требующая соответствующего решения в виде диагностики, лечения, профилактики, реабилитации); 6) в широком смысле медиализация в контексте философской рефлексии позволяет выявить ее новые качественные характеристики в жизни общества; 7) переживание кризиса самой медицины как теоретической, так и практической области человеческой деятельности; 8) сегодня медиализация обретает новое существование в контексте коммерциализации медицинских услуг, где не только сами услуги, но и органы, и врач становятся товаром.

Однако медиализация — это не проблема, проблема — неконтролируемое расширение и распространение на все сферы жизни человека и общества медицины. Ее следует рассматривать как сложный социально-культурный феномен, требующий комплексного исследования с помощью философии и социально-гуманитарных дисциплин. Например, М. Фуко так пишет о медиализации: «Весьма возможно, что мы принадлежим к критической эпохе отсутствия основополагающей философии, о котором нам напоминает в каждый момент господство и неизбежность: эпохе разума, которая непоправимо отделила нас от обычного языка» [16, с. 16]. С одной стороны, медиализация — это не новый феномен, но требует новой философской рефлексии над еще одной универсалией культуры; с другой стороны, медиализация — это индикатор беспокойства общества в условиях затянувшегося кризиса российского общества.

Медиализацию общества необходимо исследовать в конкретно-исторический период, чтобы понять ее место и роль в жизни общества. Например, Н. Я. Данилевский, изучая культурно-исторический (цивилизационный) тип России, писал: «Европа не признает нас своими. Она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды» [7, с. 76]. Роль Европы, по его мнению, состоит в том, чтобы «быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке» [Там же, с. 96], или выполнять свою историческую миссию «*Drang nach dem Osten* (натиск на Восток (нем.))» [Там же, с. 97]. Мыслитель приходит к выводу о том, что «насищенность составляет одно из коренных свойств германороманских народов» [Там же, с. 262]. В свою очередь, «терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена» [Там же, с. 272]. В жизни России «процесс исторического развития, переворот происходят в глубине народного духа, незримо и неслышно. Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительною быстротою, без видимой борьбы» [Там же, с. 277]. Таким образом, природа общественного российского сознания состоит в глубинной внутренней борьбе, в которой соперничается все богатство исторического, множество актуального современного и интуитивного ожидаемого будущего.

В конце XIX — начале XX в. в России и мире в целом, согласно В. И. Вернадскому, «происходит выявление новой геологической силы в биосфере — научной мысли социального человечества» [4, с. 13]. По его мнению, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [Там же, с. 241]. Так, человек, став новой биологической силой, создал ноосферу своим разумом и построил внутри природы свой рукотворный мир. На рубеже веков о роли общественного сознания и его взаимосвязи с общественным бытием В. И. Ленин писал следующее: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его. Мир не удовле-

творяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [8, с. 168–169]. Но прошлое «отличается от фактически существующего только изменениями по форме. Это значит, что мир будущего также фактически уже существует в нынешнем мире, как птенец уже материально существует в яйце» [Там же, с. 317]. Сегодня, опираясь на творческое наследие В. И. Ленина, можно так понять российские кризисы в условиях глобализации — объективного процесса, который замыкает локальные элементы общества в общепланетную систему. Необходимо отыскать способ преодоления кризисных тенденций этого переходного периода. С одной стороны, наша страна стремится выйти за пределы стесняющих ее развитие материальных и духовных форм жизни. С другой стороны, Россия стремится их сохранить, оберегая накопленное веками содержание, а общественное сознание, отражая бытие, обретая собственное существование, продолжает жить, например, в виде фетишей, мифов, идей, апокалипсических настроений.

Развитие общества сопровождается таким явлением, как фетишизм, о котором А. А. Богданов писал следующее: «На заре жизни общества, в эпоху маленьких и слабых, но тесно сплоченных коллективов, из труда человеческого выделилось слово и стало его символом. Затем слово и мысль отрывались от коллективного труда и приобретали такую же мнимую независимость от него, одеваясь туманной оболочкой фетишизма» [3, с. 141]. Так, слова в виде идей или норм в сознании общества приобретают определенный смысл, превращаются в фетиши, которые, в свою очередь, обретая свое собственное существование, оказывают влияние на сознание людей. Одним из таких фетишей и является медиализация общества, которую как социальное явление необходимо исследовать в контексте российского и европейского сознания. Так, например, Н. А. Бердяев писал: «Русское мышление всегда было слишком монистично, слишком поглощено единым и враждебно множественности, закрыто для конкретного многообразия» [1, с. 87]. В эпоху бурного развития научно-технического прогресса, по его мнению, «машина разрывает дух и материю, вносит расщепление, нарушает первоначальную органическую целостность, спаянность духа и плоти. Проблема «духа и машины» имеет огромное значение для русского сознания, она предстает перед Россией как проблема его будущего» [2, с. 233–234]. Несмотря на вторжение машины, технологий никак не убивается истинная духовная целостность, напротив, через познание машины духовность вновь возвращается к себе обогащенной и преодолевшей себя в своей замкнутости и отрешенности. С. Л. Франк также писал, что «русскому духу присуще стремление к целостности, к всеохватывающей и конкретной тотальности» [15, с. 490–491]. Таким образом, сознание российского общества отличается от европейского своей целостностью, нерасчлененностью и углубленностью в самое себя, непрерывно занятое поисками смыслов через обретение собственной идентификации на каждом историческом этапе.

Россия как общественный, культурно-исторический тип претерпевает кризисы. Например, Л. Н. Гумилев выделяет следующие этапы развития общества, или фазы этногенеза: «1) явный период подъема; 2) акматическая фаза; 3) фаза надлома; 4) инерционная фаза; 5) фаза обскурации; 6) фаза гомеоста-

за. И так до тех пор, пока новый этнос вновь не преобразует ландшафт. Видимо, этногенез — не единое глобальное явление, а множество самостоятельных этногенезов в тех или иных районах» [6, с. 191–192]. Россия в этой классификации кризисов этногенеза находится в фазе «надлома», и ей приходится переживать собственное перерождение, а также реагировать на перерождения, качественные изменения во внешней среде на уровне глобального человечества.

Сегодня тема кризисных переходов и соответствующих им типов сознания в различных парадигмах, направлениях исследования является актуальной. Было и сегодня поддерживается такое направление, как «евразийство». Как справедливо отмечает профессор И. И. Осинский, «основное внимание они обращали на решение главной задачи — создание идеологии России, где были бы соединены в диалектическом единстве наука, религия, философия. Евразийцы критиковали европейскую цивилизацию за ее стремление представить свои ценности как общечеловеческие» [13, с. 7]. По мнению профессора, «евразийство — это прежде всего форма интеграции для независимых государств с целью укрепления их экономических и культурных связей, сотрудничества, сочетания фундаментальных основ европейской цивилизации и многовекового опыта взаимодействия с Востоком» [Там же, с. 9]. Мы разделяем точку зрения И. И. Осинского, так как сегодня в условиях глобализации не место однонаправленному развитию России или мирового сообщества, напротив, необходимо искать пути развития в многополярном мире.

В связи с этим В. В. Мантатов и Л. В. Мантатова предлагают «синергийные стратегии»: «Как разорвать пагубную связь между экономическим ростом, экологической деградацией, ростом неравенства в доходах и обеспечить устойчивое человеческое развитие? В странах Латинской Америки и Карибского бассейна созданы инклюзивные политические институты, которые внедряют принципы экосоциализма в виде успешных синергийных стратегий устойчивого развития, ориентированных на достижение единой цели — общего блага» [11, с. 15–16]. Такой подход выявляет сущность наступающего «капиталистического общества потребления. Опасность этого общества — следствие невозможности поддерживать высокий уровень материального потребления в западных странах, приводящий к экологической и социальной депривации огромных масс людей во всем мире» [Там же, с. 19]. Другая группа авторов, А. М. Кузнецова, А. Е. Кузнецов, сравнивая культуру развития Запада и Востока, отмечает, что «в восточной философии, как в восточной духовной культуре вообще, не сформировалась идея прогресса. Восточная цивилизация не освоила понятие «революция» как скачка от старого к новому, перехода от тьмы к свету, от худшего к лучшему. Общество, где традиция доминирует над инновацией, устойчивость во многом обеспечивается коллективным неприятием любых процедур сопоставления «своего» с «чужим» [10, с. 9–10]. Согласно философам, «поиск новых мировоззренческих ориентаций требует выдвижения нового типа рациональности, привлекающего идеалы отношений человека и природы, восходящего к традиционной культуре» [Там же, с. 12]. В частности, Д. Ш. Цырендоржиева полагает, что «многообразие исторического процесса обуславливает различные формы

общественных преобразований. Развитие любой страны отличается своими историческими и национальными особенностями» [17, с. 18]. По мнению философа, «развитию общества присущи две противоположные тенденции — движение к единству и движение к многообразию» [Там же, с. 20]. Следовательно, необходимо сегодня выработать для России в частности и для человечества в целом такие ориентиры развития, которые позволили бы, не нарушая исторических традиций развития народов (этносов, суперэтносов, культурно-исторических типов), искать общие пути развития, тем более, что природа испытала предельную антропогенную нагрузку.

Для выработки рекомендаций по регулированию и преодолению кризисных тенденций в России сравним общественное сознание и кризисное общественное сознание, которые сопровождают общество в различные исторические эпохи. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон полагают, что «общественное сознание — это отражение реального жизненного процесса людей, их общественного бытия, возникающее на основе общественно-исторической деятельности людей, практики. Формами сознания современного общества являются политические идеи, правосознание, мораль, религия, искусство и художественные взгляды, философия» [9, с. 6]. Однако раскол общества на классы и отделение умственного труда от физического наложили свой отпечаток на все дальнейшее развитие общественного сознания. С этого момента на осознание людьми собственного общественного бытия, всей окружающей действительности решающее влияние начинают оказывать материальные интересы различных классов» [Там же, с. 10–11]. Как полагает Б. А. Грушин, «общественное сознание является относительно самостоятельным и имеет активный характер. Оно имеет «многоступенчатую» и «многостороннюю» зависимость от разнообразных структур общественного бытия» [5, с. 56–57]. Можно сказать, что общественное сознание — это сознание социальных групп, классов, отражающих в идеальной форме общественное бытие, а кризисное общественное сознание — это деформированное сознание общества и его социальных групп, которое сформировалось в результате отражения кризиса в сфере общественного бытия.

Как отмечает Т. Ю. Сидорина, «кризисное сознание, кризисное мироощущение сопровождает человечество на всех этапах его исторического развития, нередко облекаясь в апокалипсическую форму. Наиболее остро кризисное мировосприятие проявляется в периоды резких социальных трансформаций» [14, с. 11]. Появились такие мировоззренческие формы отражения переходных периодов, как апокалипсис, эсхатология, фантазии, утопии и т. п. В них общественное сознание выражает свое отношение к происходящему. При таком понимании кризиса и кризисного общественного сознания необходимо отметить и тот факт, что настоящий планетарный кризис — это именно переход от одного вида общественного сознания — локального, национального — к другому — планетарному. Л. Л. Штуден полагает, что «сам по себе кризис — явление, казалось бы, абсолютно нормальное в любых аспектах социальной практики: за кризисом должно следовать продолжение жизни на новом этапе, в новом качестве. Кризисы локальных культур на стадии развитых цивилизаций, также как и глобальный кризис современной

культуры, относятся к событиям именно этого ряда» [18, с. 4]. По его мнению, «главной заботой культуры должна стать свобода сознания. Необходимы своевременная профилактика культуры и баланс между тремя ее аспектами: индивидуально-жизненным, социальным и сверх-жизненным» [Там же, с. 38]. Налицо противоречие между формой общественного бытия и формой общественного сознания, которые связаны между собой и находятся в поисках равновесной связи.

Таким образом, развитие современной России имеет несколько векторов развития, и медиализация — один из них. Она характеризуется поступательностью и эволюционирует во времени и пространстве, вовлекая в сферу своего влияния все большее число социальных институтов и групп. Отличие медиализации современной от античной и средневековой состоит в том, что она приняла глобальный характер и стремительно прогрессирует. Причин тому несколько: 1) научно-технические достижения медицины и возросшие в связи с этим потребности общества на современном этапе, например, продление жизни, омолаживание, пересадка органов и т. п.; 2) коммерциализация медицины, 3) потребность общества в формировании нового мировоззрения, которое уже невозможно без учета медицинских аспектов.

Как показатель кризиса российского общества медиализация — это особая тема для исследования в контексте фетишизации, т. е. отрыве медиализованного общественного сознания от материальных основ (практической медицины и обыденной жизни общества). С политической точки зрения медиализация используется определенными социальными группами для защиты и продвижения своих интересов, что вызывает беспокойство и социальное напряжение среди большинства населения. Медиализация содействует возникновению новых проблем общества, например, формирование зависимости от антибиотиков, амфетаминов и других медицинских препаратов, что заводит в тупик общество как генетически здорового и способного к нормальному воспроизводству человечества на Земле.

Таким образом, налицо связь между российскими кризисами и медиализацией общества, и выражается она в том, что на современном этапе в условиях глобализации медиализация служит индикатором социального беспокойства общества, а также может стать альтернативой развития нашего общества. Философский анализ актуальных социальных явлений показал, что существует устойчивая тенденция фетишизации не только в медицине, но и во всех сферах общественной жизни, что свидетельствует о продолжающемся кризисе общественного бытия и общественного сознания. В качестве рекомендации разрешения кризисной ситуации в России необходимо установить уравновешивающие обменные связи в области общественного сознания — между индивидуалистическим и коллективистским началом, в области общественного бытия — между инновационным и традиционным подходами. В результате сохранится культурно-историческое наследие общества в богатстве его национальных и государственных образований, а также обнаружатся потенциальные возможности для преодоления социальных кризисов и ликвидации кризисных последствий общества в целом.

Литература

1. Бердяев Н. А. Война и кризис интеллигентского сознания // Избранные произведения. М.: Российская политическая энциклопедия, 1990. С. 86–91.
2. Бердяев Н. А. Дух и машина // Избранные произведения. М.: Российская политическая энциклопедия, 1990. С. 233–245.
3. Богданов А. А. Падение великого фетишизма: современный кризис идеологии. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010. 224 с.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
6. Гумилев Л. Н. История как форма движения материи. М.: АСТ, 2008. 960 с.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Де'Либри, 2015. 768 с.
8. Ленин В. И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1990. 639 с.
9. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. М.: Политиздат, 1959. — 264 с.
10. Кузнецова А. М., Кузнецов А. Е. Манифестация когнитивных проекций: цивилизационный аспект // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2012. Вып. 6. С. 8–12.
11. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Синергичные стратегии для человеческого развития и окружающей среды // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2013. Вып. 6. С. 14–19.
12. Михель Д. В. Медиализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. Вып. 4(60), вып. 2. С. 256–263.
13. Осинский И. И. Евразийство как вызов современности // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Бурятского государственного университета (30.09.2015-01.10.2015, г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 7–10.
14. Сидорина Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2002. 239 с.
15. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
16. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 307 с.
17. Цырендоржиева Д. Ш. Диалектика единства и многообразия в развитии социальных систем // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2012. Вып. 6. С. 17–20.
18. Штуден Л. Л. Кризис сознания как феномен культуры: автореф. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. 39 с.
19. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru
20. Szasz T. S. The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007. 202 p.

**RUSSIAN CRISES AND THE MEDICALIZATION OF SOCIETY:
THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CURRENT SOCIAL PHENOMENA**

Leonid D. Rasskazov

PhD, A/Professor, Department of Philosophy, Social and Humanitarian Sciences, Faculty of Basic Medical Education, Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University under the Russian Federation Ministry of Health
1 Partizana Zheleznyaka St., Krasnoyarsk 660022, Russia
E-mail: rasskazov.ld@gmail.com

The article discusses the nature of Russian crises at the present stage of society development in the context of medicalization. We have revealed the correlation between crises of the Russian society and social processes of medicalization, considered current social phenomena such as fetishism, commercialization of medicine. The researches of domestic and foreign philosophers from different schools in the field of social being and social consciousness in times of crisis were analyzed. Particular attention was paid to interdisciplinary approach in study of social crises. In the article we presented the data of our own social and philosophical research in the field of social, educational and scientific activities. The concepts and phenomena of social life, including dependency, crisis, crisis consciousness, social consciousness, civilization, globalization, were clarified. We have proposed a conception for regulation of crisis processes in the Russian public consciousness.

Keywords: Eurasianism, individualism, collectivism, crisis, medicalization; worldview, crisis public consciousness, noosphere, fetishism, civilization, ethnogenesis.

References

1. Berdyaev N. A. Voina i krizis intelligentskogo soznaniya [War and the Crisis of the Intelligentsia Consciousness]. *Izbrannye proizvedeniya — Selected Works*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 86–91.
2. Berdyaev N. A. Dukh i mashina [Spirit and Machine]. *Izbrannye proizvedeniya — Selected Works*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya 1990. Pp. 233–245.
3. Bogdanov A. A. *Padenie velikogo fetishizma: sovremenniy krizis ideologii* [The Fall of the Great Fetishism: The Current Crisis of Ideology]. Moscow: KRASAND Publ., 2010. 224 p.
4. Vernadskii V. I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 271 p.
5. Grushin B. A. *Massovoe soznanie: opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass Consciousness: The Experience of Defining and Research Problems]. Moscow: Politizdat Publ., 1987. 368 p.
6. Gumilev L. N. *Istoriya kak forma dvizheniya materii* [History as a Form of Matter Motion]. Moscow: AST Publ., 2008. 960 p.
7. Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: De'Libri Publ., 2015. 768 p.
8. Lenin V. I. *Filosofskie tetradi* [Philosophical Notebooks]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 639 p.
9. Kelle V., Kovalson M. *Formy obshchestvennogo soznaniya* [Forms of Social Consciousness]. Moscow: Politizdat Publ., 1959. 264 p.
10. Kuznetsova A. M. Manifestatsiya kognitivnykh proektsii: tsivilizatsionnyi aspekt [The Manifestation of Cognitive Projections: Civilizational Aspect]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya — Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies*. 2012. No. 6. Pp. 8–12.
11. Mantatov V. V. Sinergiinye strategii dlya chelovecheskogo razvitiya i okruzhayushchei sredy [Synergetic Strategies for Human Development and Environment]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya — Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies*. 2013. No. 6. Pp. 14–19.

12. Mikhel' D. V. Medikalizatsiya kak sotsial'nyi fenomen [Medicalization as a Social Phenomenon]. *Vestnik Saratavskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta — Saratov State Technical University*. 2011. No. 4 (60). V. 2. Pp. 256–263.

13. Osinskii I. I. Evraziistvo kak vyzov sovremennosti [Eurasianism as a Challenge to Contemporary Russia]. *Evraziiskaya paradigma Rossii: tsennosti, idei, praktika — Eurasian Paradigm: Values, Ideas and Practice*. Proc. Int. sci. conf., devoted to the 20th ann. of Buryat State University (September 30, 2015 – October 1, 2015, Ulan-Ude). Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2015. Pp. 7–10.

14. Sidorina T. Yu. *Paradoksy krizisnogo soznaniya* [Paradoxes of Crisis Consciousness]. Moscow: Russian Humanitarian State University Publ., 2002. P. 239.

15. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations of Society]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 511 p.

16. Foucault M. *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception*. Vintage, 1994. 240 p.

17. Tsyrendorzhieva D. Sh. Dialektika edinstva i mnogoobraziya v razvitii sotsial'nykh sistem [Dialectics of Unity and Diversity in the Development of Social Systems]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya — Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies*. 2012. № 6. Pp. 17–20.

18. Shtuden L. L. *Krizis soznaniya kak fenomen kul'tury. Avtoreferat dis. d-ra filos.nauk* [Crisis of Consciousness as a Phenomenon of Culture. Author's abstract of Dr philos. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2000. 39 p.

19. http://sociology_encyclopedia.academic.ru/

20. Szasz T. S. *The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays*. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007. 202 p.